

**КВАЗИНОРМАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТРЕК ПРАВОВОЙ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ**

В. И. ПАВЛОВ

*канд. юрид. наук, доц., проф. кафедры конституционного
и международного права учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
г. Минск, Республика Беларусь*

1. Развитие цифровых технологий в контексте их влияния на правовое регулирование общественных отношений всегда связано с конструированием определенной онтологии права – сферы юридической значимости, характеризующейся в своем базовом представлении конкретным пониманием пространства, времени, человека, предметов и особенностей их существования в праве как юридических категорий. Онтологический параметр применительно к развитию цифровых технологий в праве важен, во-первых, с познавательной точки зрения – как картина мира, которую мы используем для понимания и воздействия на изучаемую среду, во-вторых – как непосредственная данность для действующего в праве лица в правоотношениях, осложненных цифровым элементом, т.е. это то, как человек воспринимает правовую реальность в своей правовой жизни.

Подход к правовому регулированию, который обычно используется законодателем при построении правовой онтологии, заключается в юридической формализации фактических общественных отношений, а также в придании юридической формы всем объектам, попадающим в сферу правовой регламентации (в широком смысле слова все эти объекты могут быть охвачены классической римской триадой «лица, вещи, иски»). В последнее десятилетие наиболее сложным вопросом применения традиционной онтологии права к цифровой сфере оказался вопрос о возможности цифровизации лица, т.е. действующего в праве человека. Все большее влияние цифровых инструментов на человека как субъекта права стало источником возникновения проблем, которые ранее не возникали в правовом регулировании. Это, прежде всего, проблемы признания систем сильного искусственного интеллекта субъектами, а не объектами права, проблемы признания авторства объектов, созданных искусственным интеллектом и т.д. Привычное, воспроизводящееся «по умолчанию» понимание лица как субъекта права в условиях развития новых цифровых инструментов стало нарушаться теми вызовами, которые исходят из современной социальной среды, правовой действительности. Эти вызовы все больше вынуждают обращать внимание на то, что право всегда «имеет дело» именно с человеком, а не с его «юридическим отпечатком». В ситуации, когда цифровые инструменты создают реальные предпосылки для замены человека как субъекта права «электронным лицом» (electronic person), в юридической науке все больше привлекается внимание к исследованию антрополого-правовых аспектов теории субъекта права.

2. Акцентирование внимания на различии между субъектом права как формально-догматической моделью лица в праве и самим человеком как правовым деятелем, личностью, действующей в правовой реальности, привело к проблематизации, казалось бы, давно сложившейся теории субъекта права. Появление цифровых антрополого-ориентированных инструментов, выступающих цифровыми аналогами (заместителями) человека

или организации как традиционных субъектов права («цифровая личность» человека в сети Интернет, умный робот, нейронная сеть и др.), привело к рассмотрению проблематики, связанной с поиском возможных способов объективации человека как правовой личности в контексте новых технологических возможностей. Одним из таких способов выступила концепция правовой персонализации.

Трек правовой персонализации человека в праве – это одно из возможных направлений развития учения о субъекте права в контексте развития цифровых технологий. Он заключается в поиске возможных траекторий и способов выражения правовыми средствами человеческого присутствия в праве помимо традиционной формально-догматической модели субъекта права. Правовая персонализация как способ выражения человеческого присутствия в праве возможна исключительно благодаря цифровым технологиям, хотя только последними она не ограничивается. Под *правовой персонализацией* следует понимать разработку *сингулярных юридико-регулятивных механизмов, то есть персонализированных норм права и нормативных правовых актов, представленных и доведенных до конкретного лица посредством цифровых инструментов.*

Трек правовой персонализации в современной юриспруденции разрабатывается на основе более широкого юридического понятия – понятия *персонализированного права* (англ. personalized law) [1; 2]. Идея персонализированного права является достаточно новой для юриспруденции, впервые она была четко сформулирована в 2014 г. Ариелем Поратом (A. Porat) и Лиором Страхилевитцем (L. J. Strahilevitz) [см. 2]. Российский исследователь Т. З. Мисостишхов определяет персонализированное право «как систему принятых или признанных государством норм, индивидуализированных на основе анализа персональных данных лица, в том числе информации о его физиологических и психических характеристиках, культурных особенностях, интересах и предпочтениях, преимущественно посредством алгоритмической обработки данных с обеспечением мер, направленных на соблюдение прав и свобод человека» [1, с. 71].

Основным принципом персонализированного права является принцип т.н. «*кастомизированного*» (от англ. custom, пользователь) *правового регулирования*, являющийся элементом современного юридического дизайна – нового направления правовых исследований и соответствующей ему праворегулирующей практики [3]. Правовая персонализация стала возможной благодаря двум новым факторам современной правовой реальности: а) технологической возможности собирать в цифровой форме значительные объемы персональных данных о людях и аккумулировать их в базах данных (англ. Big Data), и б) разработке и распространению на этой основе практически во всех сферах жизнедеятельности информационно-коммуникационных систем, позволяющих точно доводить до каждого конкретного человека адресованную именно ему регулятивную правовую информацию. Последняя основывается на личной траектории жизнедеятельности этого лица, осуществляемых им юридически значимых антропологических и социальных практиках, таким образом, своего рода связывая человека как правового деятеля с остальным обществом, выстраивая с помощью технологических возможностей сеть социальной коммуникации (англ. Big Link) [4].

Формирование персонализированного права может быть представлено посредством последовательного прохождения следующих этапов:

– *Первый этап:* цифровая аккумуляция поведенческих данных, которая осуществляется посредством использования различных цифровых инструментов;

- *Второй этап:* распределение собранных данных по сферам правового регулирования;
- *Третий этап:* оценка, персонализированное нормотворчество и платформенная дифференциация норм государственным органом, означающая распределение персонализированных норм по соответствующим цифровым платформам;
- *Четвертый этап:* доведение персонализированных норм до граждан через цифровые платформы (аналог официального опубликования);
- *Пятый этап:* правореализационная поддержка государственным органом-регулятором.

Отметим, что выделение указанных этапов формирования персонализированного права осуществлено нами с опорой на ключевую роль уполномоченного правоприменительного органа (государственного регулятора) в соответствующей сфере, что предполагает использование только государственных цифровых платформ либо цифровых платформ, делегированных государством иным субъектам и контролирующим их.

На основании указанного выше процесса сбора и формализации полученной юридически значимой информации право приобретает тенденцию к постепенной, но постоянной персонализации вплоть до максимального предела своей индивидуализации, обусловленного технологическими возможностями. В Республике Беларусь близкой рассматриваемой тенденции правовой персонализации является разработка Национальный центром электронных услуг Республики Беларусь мобильного приложения «Е-Паслуга», дающее возможность любому владельцу смартфона, оснащенного NFC-датчиком, с помощью ID-карты получить через личный кабинет доступ в цифровой мир электронных услуг республики. На начало сентября 2024 г. приложение позволяет гражданам получить доступ к более чем 550 сервисам на основании 67 государственных информационных систем данных, включая сферу недвижимости, страхования, медицины, образования, экологии и т.д.

Следует отметить принципиальную *новизну концепции персонализированного права* с теоретико-правовой точки зрения, подтверждаемую следующими положениями:

1) Персонализированное право предполагает не нормативное, а ситуативное правовое регулирование. Ситуативность здесь также обладает нормативным значением, однако персонализация выступает в качестве своего рода *квазинормативности*, поскольку персонализированное правило адресуется конкретному лицу и по данному параметру становится близкой индивидуализированной нормой правоприменительного акта.

2) Вместе с тем полное отождествление персонализированного права и «персонализированного правоприменения» (в источниках иногда так именуется правовая персонализация) не достигается за счет того, что сами по себе юридически значимые правила – персонализированные нормы права, формируются на уровне персональной правовой нормативности, а не на уровне индивидуализации как стадии правового регулирования, следующей за правотворчеством.

3) Поскольку процесс формирования персонализированного права не связан с его объективацией в формально-определенных и абстрактных правилах, адресующихся неопределенному кругу лиц, постольку персонализированные нормы права не образуют статутного, объективного права, отделенного от конкретного лица. Персонализированное право всегда персонально обусловлено, адресно, конкретно.

4) Ввиду того, что персонализированные нормы права не являются нормами объективного, отделенного от лица права, они не образуют и правовой статус лица. Напротив, нормы персонализированного права образуют конкретные динамические сценарии правового существования, что, как уже отмечалось выше, возможно за счет цифровых технологий.

5) В персонализированном правовом регулировании правоприменение как юридическое опосредование исключается, заменяясь сопровождением со стороны уполномоченного органа-регулятора, как правило, выступающего и оператором цифровой платформы.

3. Несмотря на то, что идея персонализированного права направлена на максимальный учет личностно-правовых характеристик каждого человека, она также связана и с риском ограничения свободы и процессами отчуждения человека в обществе. Как верно отмечают современные исследователи, несмотря на постоянное совершенствование цифровых алгоритмов в оценке антропологических практик и учете человеческих предпочтений, «персонализированное правоприменение вступает в конфронтацию с концепцией многогранности личности» и приводит к формированию искусственных, то есть несвободных паттернов правового поведения, что подтверждается, например, функционированием китайской концепции социального кредита [1, с. 66]. Возможность государственных органов КНР отслеживать цифровой образ человека в социальных сетях, его предпочтения в выборе игры в Интернете, высказываниях на форумах и т.д. прямо влияют на социальный рейтинг лица. Вследствие этого наличие в публичном доступе на портале «Credit China» «красных» и «черных» списков граждан КНР с позиции их благонадежности для государства и общества вынуждает людей имитировать правильное поведение, а значит и скрывать свое свободное волеизъявление, что в итоге приводит к неверному представлению об социальной и антропологической ситуации в стране [5].

Полагаем, что в контексте развития идеи персонализированного права для отечественной правовой системы принципиальное значение имеет установление публично-правовых и общесоциальных границ, в рамках которых могут варьироваться персональные правовые ценности для их же надлежащей правовой защиты. Закономерность сохранения и правовой защиты личностной ценностной среды в данном случае состоит в том, что обеспечение персонализированного разнообразия личностно-ценностных моделей поведения возможно именно *при сохранении надперсональной, общесоциальной системы базовых правовых ценностей в правовом порядке*, не позволяющей персонализированному праву утратить ориентир и связь с ценностным intersубъективным содержанием правовой системы. Таким образом, в каждом правовом порядке должен быть решен вопрос *о пределах правовой персонализации* при использовании этого способа выражения антрополого-правовой модели.

Представляется, что в порядке правового эксперимента разработка норм персонализированного права возможна на принципе добровольности в тех сферах правового регулирования, которые в наименьшей степени связаны с рисками нарушения конституционных прав человека. Это могут быть диспозитивные нормы законодательства в сфере персонализированных подходов к лечению в медицинской практике (персонализированная медицина), персонализированных программ реабилитации инвалидов, обеспечения персонализированных прав потребителей и др. В частности, в сфере правовой регламентации

потребительских услуг возможны законодательные требования отражения персонализированной информации для конкретных потребителей (например, лиц, страдающих диабетом) средствами юридического дизайна (использование размера, шрифта, цвета текста, схематичное, иконографическое представление информации об исключениях, дополнительных обременениях, изъятиях, включенных по умолчанию услугах и т.д.).

Заключение. Подводя итог исследованию трека правовой персонализации как одного из способов объективации человека как правовой личности в контексте возможностей цифровых технологий, формулируем несколько обобщающих положений:

1. Развитие трека правовой персонализации в национальной правовой системе в перспективе возможно лишь в качестве дополнительного способа правового регулирования в ограниченном круге регулируемых правом социальных отношений при наличии технологических возможностей. Квазинормативность персонализированного правового регулирования связана с адресным, конкретным характером персонализированных юридически значимых правил, близких ситуации правоприменения.

2. Полная замена традиционного права персонализированным на основании аргумента более эффективного удовлетворения человеческих притязаний невозможно в связи со все более острым проявлением социальной природы права по мере углубления правовой персонализации.

3. Стремление персонализировать право, основанное на желании максимально возможного удовлетворения ожиданий граждан, должно балансироваться установленными в правовой системе публично-правовыми границами правовой персонализации.

4. Невозможность абсолютной правовой персонализации, обусловленной объективными пределами права как социального регулятора, подтверждает сверхюридическую природу принципа человеческой свободы, требующего не только правовой, но нравственной, культурной и религиозной сфер для своей реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мисостишхов, Т. З. Персонализированное право и фундаментальные права / Т. З. Мисостишхов // Цифровое право. – 2020. – № 1(4). – С. 56–73.
2. Porat, A. Personalizing default rules and disclosure with Big Data / A. Porat, L. J. Strahilevitz // Michigan Law Review. – 2014. – № 112(8). – P. 1417–1478.
3. Павлов, В. И. «Legal Design» и «Legal Tech» как современные направления правовых исследований и инструменты практической юридической деятельности / В. И. Павлов // Правовая политика, наука, практика – 2023: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 5 окт. 2023 г. / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. – С. 78–82.
4. Grigoleit, H. C. The law between generality and particularity. Chances and limits of personalized law / H. C. Grigoleit, P. Bender // Algorithmic Regulation and Personalized Law: a Handbook / ed. by Christoph Busch Alberto De Franceschi. – München : Beck C. H., 2021. – P. 115–136.
5. Chen, Y. The transparent self under big data profiling: Privacy and Chinese legislation on the social credit system / Y. Chen, A. Cheung // The Journal of Comparative Law. – 2017. – Vol. 12. – № 2. – P. 356–378.